

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о банкротстве

12. Исполнение третьим лицом обязательства должника на основании ст. 313 ГК РФ до введения первой процедуры банкротства не может быть признано злоупотреблением правом при отсутствии доказательств того, что поведение третьего лица причинило вред лицам, участвующим в деле о банкротстве.

Определением арбитражного суда принято к производству заявление компании о признании должника банкротом и назначено судебное заседание по проверке его обоснованности.

В целях погашения задолженности должника перед компанией банк на основании ст. 313 и 327 ГК РФ внес полную сумму задолженности на депозит нотариуса.

Полагая, что спорная задолженность в силу п. 5 ст. 313 ГК РФ перешла к нему, банк обратился в арбитражный суд с ходатайством о процессуальном правопреемстве.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении ходатайства отказано. Суды признали переход требования компании к банку несостоявшимся, указав на то, что банк совершил действия по погашению задолженности перед компанией исключительно с целью изменения очередности рассмотрения поданных в суд заявлений о банкротстве должника и введения "контролируемой" процедуры через утверждение собственного конкурсного управляющего.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила вопрос о процессуальном правопреемстве на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

По смыслу Закона о банкротстве законный материальный интерес любого кредитора должника, прежде всего, состоит в наиболее полном итоговом погашении заявленных им требований. Все предоставленные кредиторам права, а также инструменты влияния на ход процедуры несостоятельности направлены на достижение названной цели.

Одним из таких инструментов является полномочие первого заявителя по делу о банкротстве (чье требование признано обоснованным) на предложение кандидатуры арбитражного управляющего либо саморегулируемой организации, из числа которой подлежит назначению арбитражный управляющий для проведения первой введенной судом процедуры (п. 9 ст. 42 Закона о банкротстве). При этом интерес в осуществлении данного полномочия в любом случае должен быть обусловлен наличием конечного интереса в получении удовлетворения по включенному в реестр требованию.

Банк удовлетворил заявление компании в полном объеме, в том числе в части финансовых санкций, в силу чего у компании отсутствуют разумные мотивы отказываться от принятия исполнения и в дальнейшем участвовать в деле. Несмотря на то, что само по себе исполнение обязательства должника перед заявителем-кредитором для банка невыгодно, в конечном счете названные действия обусловлены стратегией поведения в деле, подразумевающей наличие возможности определять хозяйственные решения банкрота кредитором со значительным объемом требований, размер которых в данной ситуации несопоставим с размером требований, выкупленных у компании как первого заявителя по делу.

Квалификация судами действий банка в качестве злоупотребления правом исключительно по тому основанию, что он выкупил требование к должнику с намерением предложить свою кандидатуру арбитражного управляющего, является ошибочной, поскольку при таком подходе смысл участия первого заявителя в деле о банкротстве сводится только к возможности предложить свою кандидатуру арбитражного управляющего, а не к получению удовлетворения по заявленным требованиям, что не соответствует целям законодательного регулирования.

Определение N 304-ЭС17-1258

13. Не подлежит удовлетворению заявление аффилированного с должником лица о включении мнимого требования в реестр требований кредиторов, поданное исключительно с противоправной целью уменьшения в интересах должника количества голосов, приходящихся на долю независимых кредиторов.

В рамках дела о банкротстве физического лица (далее также - должник) общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов его требования по выплате задолженности по арендной плате за пользование нежилыми помещениями в период с 2008 по 2010 гг. Наличие долга физическое лицо признавало ежегодно, подписывая двусторонние акты сверок.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной

инстанции и арбитражного суда округа, заявление удовлетворено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Другой конкурсный кредитор должника приводил доводы, свидетельствующие о том, что все участники спорных арендных отношений - должник, собственники помещений и все цессионарии (в том числе общество) - принадлежат к одной группе компаний, контролируемой супругом должника как конечным бенефициаром. В рассматриваемом случае наличие внутригрупповых отношений и, как следствие, общности хозяйственных интересов имеет существенное значение для правильного разрешения спора, поскольку установление подобного факта позволяет дать надлежащую оценку добросовестности действий как кредитора, заявившего о включении своих требований в реестр, так и должника, обязанность которого при нормальном функционировании гражданского оборота состояла в своевременном внесении арендных платежей.

Вместе с тем обстоятельства, которые могли бы подтвердить либо опровергнуть доводы об аффилированности сторон спора, судами не исследовались, соответствующие доводы какой-либо правовой оценки не получили.

По смыслу п. 1 ст. 19 Закона о банкротстве к заинтересованным лицам должника относятся лица, которые входят с ним в одну группу лиц либо являются по отношению к нему аффилированными. Таким образом, критерии выявления заинтересованности в делах о несостоятельности через включение в текст закона соответствующей отсылки сходны с соответствующими критериями, установленными антимонопольным законодательством.

При представлении доказательств аффилированности должника с участником процесса (например, с лицом, заявившем о включении требований в реестр, либо с ответчиком по требованию о признании сделки недействительной) судом на такое лицо может быть возложена обязанность раскрыть разумные экономические мотивы совершения сделки либо мотивы поведения в процессе исполнения уже заключенного соглашения.

Именно на нестандартный характер сделки, на которой основано требование общества, ссылаясь конкурсный кредитор в своих возражениях против включения спорной задолженности в реестр: у должника - физического лица отсутствовали собственные экономические нужды по аренде коммерческих помещений общей площадью более 10 000 кв. м, впоследствии названные помещения передавались должником в субаренду иным участникам группы компаний. Поведение арендодателей, а затем и цессионариев, на протяжении более чем пяти лет до банкротства не обращавшихся с требованием о взыскании долга по арендной плате (тем самым предоставлявших отсрочку исполнения обязательства на неопределенный срок), также не может быть объяснено с точки зрения такой цели коммерческого юридического лица как извлечение прибыли от своей деятельности.

Конкурсный кредитор отмечал, что внутри группы компаний имеется несколько требований, связанных с арендой одного и того же имущества в аналогичный период. Такой довод требовал от суда проверки реальности отношений по пользованию имуществом между аффилированными лицами, то есть того, прикрывала ли цепочка арендных соглашений один договор аренды между собственником помещений и конечным независимым арендатором.

Кроме того, выбор подобной структуры внутригрупповых юридических связей позволяет создать подконтрольную фиктивную кредиторскую задолженность для последующего уменьшения процента требований независимых кредиторов при банкротстве каждого из арендаторов (субарендаторов). Подобные факты могут свидетельствовать о подаче обществом заявления о включении требований в реестр исключительно с противоправной целью уменьшения в интересах должника и его аффилированных лиц количества голосов, приходящихся на долю независимых кредиторов (ст. 10 ГК РФ). При этом наличие в действиях сторон злоупотребления правом уже само по себе достаточно для отказа во включении требований заявителя в реестр (абзац четвертый п. 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. N 63 "О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)").

Определение N 306-ЭС16-20056 (6)

14. Участником собрания кредиторов с правом голоса является конкурсный кредитор, требование которого включено в реестр требований кредиторов на дату проведения собрания кредиторов, даже если на этот момент кредитор уступил свое право требования к должнику третьему лицу и третье лицо не было включено в реестр требований кредиторов определением суда, либо приобретатель требования по доверенности.

На собрании кредиторов должника большинством голосов, в том числе 50,9% - общества, 0,03% - компания, 0,67% - физическое лицо, приняты решения о выборе кандидатуры арбитражного управляющего, прекращении полномочий комитета кредиторов должника, определении кандидатуры представителя собрания кредиторов должника, утверждении Положения о порядке, сроках и условиях продажи имущества должника.

Физическое лицо обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными решений указанного собрания, ссылаясь на то, что общество и компания утратили право голоса ввиду состоявшейся ранее уступки их требований к должнику в пользу фирмы.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявление удовлетворено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении заявления физического лица по следующим основаниям.

Исходя из положений п. 1 ст. 12 Закона о банкротстве и разъяснений, содержащихся в п. 6 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. N 60 "О некоторых вопросах, связанных с принятием изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)", участниками собрания кредиторов с правом голоса являются конкурсные кредиторы, требования которых включены в реестр требований кредиторов на дату проведения собрания кредиторов. Поскольку определение о включении требований кредиторов в реестр требований кредиторов подлежит немедленному исполнению, право на участие в собрании кредиторов с правом голоса возникает у кредитора с момента вынесения определения о включении его требований в реестр.

В рассматриваемом случае на дату проведения спорного собрания требования общества и компании включены в реестр требований кредиторов должника на основании судебных актов арбитражного суда. На момент проведения собрания кредиторов названные лица обладали статусом конкурсных кредиторов и, как следствие, правом на участие в собрании с правом голоса.

Выводы судов об обратном со ссылкой на состоявшуюся до проведения собрания уступку требований ошибочны.

Пункт 6 ст. 16 Закона о банкротстве устанавливает специальное правило по отношению к п. 1 ст. 382 и п. 1 ст. 425 ГК РФ, согласно которому требования кредиторов включаются в реестр требований кредиторов и исключаются из него арбитражным управляющим или реестродержателем только на основании вступивших в силу судебных актов, устанавливающих их состав и размер.

На момент проведения спорного собрания процессуальная замена первоначальных кредиторов (общества и компании) на нового кредитора не произведена. Сама по себе замена в материальном правоотношении не наделила нового кредитора правом на участие в собрании и не ограничила право прежних до момента вынесения арбитражным судом судебного акта об их замене в реестре требований кредиторов должника правопреемником по ранее включенным требованиям.

Исходя из принципа добросовестности (ст. 1 ГК РФ) до проведения процессуальной замены лицо, включенное в реестр требований кредиторов, обязано выдать приобретателю требования доверенность на голосование или голосовать на общем собрании в соответствии с указаниями приобретателя (п. 1 ст. 6 ГК РФ, п. 2 ст. 57 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. N 208-ФЗ "Об акционерных обществах"). В рассматриваемом случае разногласия по голосованию между прежними и новым кредиторами отсутствовали.

Определение N 308-ЭС14-7166(4)

15. Арбитражный управляющий обязан возместить убытки, причиненные тем, что он, зная о реализации имущества должника в конкурсном производстве, формирующей налоговую базу, не предпринял мер, направленных на корректировку налогового периода, и не исчислил сумму налога на добавленную стоимость, подлежащую уплате в бюджет.

В ходе процедуры конкурсного производства конкурсным управляющим реализовано имущество должника, в том числе являющееся предметом залога. Вырученные от продажи имущества денежные средства направлены управляющим на погашение реестровых требований залогового кредитора, подлежащих удовлетворению в третью очередь, а оставшаяся часть - на погашение текущих платежей.

Уполномоченный орган обратился в арбитражный суд с иском к конкурсному управляющему о возмещении убытков, причиненных при проведении процедуры банкротства. В обоснование иска уполномоченный орган сослался на то, что при перечислении реестровому и залоговому кредитору денежных средств управляющий необоснованно не уплатил в бюджет текущий налог на добавленную стоимость (далее - НДС).

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении искового требования отказано. Суды исходили из того, что у конкурсного управляющего отсутствовала обязанность по исчислению и уплате НДС, поскольку согласно п. 4.1 ст. 161 НК РФ (в редакции, действовавшей в спорный период) при реализации имущества должника, признанного в соответствии с законодательством Российской Федерации банкротом, налоговыми агентами по НДС выступали покупатели имущества.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В спорный период отсутствовала правовая неопределенность по вопросу об уплате НДС при реализации имущества должника в процедуре конкурсного производства.

Так, в соответствии с правовой позицией, изложенной в п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 января 2013 г. N 11 "Об уплате налога на добавленную стоимость при реализации имущества должника, признанного банкротом", НДС в отношении операций по реализации имущества (в том числе предмета залога) должника, признанного банкротом, подлежал исчислению должником как налогоплательщиком по итогам налогового периода и уплачивался им в сроки, установленные п. 1 ст. 174 НК РФ, с учетом того, что требование об уплате названного налога относится к четвертой очереди текущих требований.

Конкурсный управляющий, осуществляя на постоянной основе профессиональную деятельность в качестве арбитражного управляющего, должен был знать об этой правовой позиции.

Выводы судов о том, что на покупателей имущества должника как на налоговых агентов были возложены обязанности по исчислению, удержанию у должника - налогоплательщика и перечислению НДС в бюджет, не соответствуют разъяснениям, данным Пленумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.

Более того, в рамках настоящего спора участвующие в деле лица не оспаривали то обстоятельство, что должник при реализации имущества предъявил к уплате покупателям соответствующую сумму НДС дополнительно к цене сделки, а покупатели перечислили должнику как цену сделки, так и сумму НДС.

По смыслу пп. 3, 4 ст. 55 НК РФ при ликвидации организации до истечения налогового периода руководитель ликвидационной комиссии (для случаев добровольной ликвидации) или конкурсный управляющий (для случаев ликвидации через процедуру конкурсного производства) обязан произвести корректировку налоговых периодов в соответствии с требованиями указанной нормы, определить налогооблагаемую базу и принять меры к погашению фискальных обязательств, возникших в период ликвидации, в том числе по последним укороченным налоговым периодам, длящимся до момента завершения ликвидации.

Окончание ликвидационной процедуры без совершения указанных действий является неправомерным обходом закона - необоснованным односторонним прекращением налогоплательщиком обязательств перед бюджетом при наличии налогооблагаемой базы со ссылкой лишь на формальную подачу им заявления (ходатайства) о завершении процедуры ликвидации до истечения налогового периода (календарного года, месяца, квартала).

Конкурсный управляющий знал о фактической реализации имущества должника в конкурсном производстве, формирующей налоговую базу (ст. 154 НК РФ) и, как следствие, свидетельствующей о наличии текущих налоговых обязательств. Однако он не предпринял мер, направленных на корректировку налогового периода исходя из особенностей, предусмотренных налоговым законодательством на случай ликвидации, не исчислил по правилам ст. 173 НК РФ сумму, подлежащую уплате в бюджет по итогам последнего налогового периода, который начал течь с начала квартала и истек в день завершения ликвидационных мероприятий. Арбитражный управляющий, не представив в налоговый орган по месту учета налогоплательщика соответствующую налоговую декларацию, распределил конкурсную массу без учета текущих обязательств перед бюджетом и ходатайствовал о завершении процедуры конкурсного производства.

Определение N 305-ЭС17-1599

16. Конкурсный управляющий вправе исчислить свое вознаграждение в соответствии с правилами п. 7 Положения о порядке и условиях финансирования процедур банкротства отсутствующих должников, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 21 октября 2004 г. N 573, в том числе в случаях, когда дебиторская задолженность не была им реализована с торгов, а взыскана в интересах конкурсной массы с должника.

В рамках процедуры банкротства должника, осуществлявшейся по правилам о банкротстве отсутствующего должника (§ 2 гл. XI Закона о банкротстве), конкурсный управляющий обнаружил имущество должника - денежные средства на расчетном счете, а также дебиторскую задолженность, впоследствии погашенную в полном объеме.

Полагая, что названные денежные средства формируют базу для выплаты вознаграждения в соответствии с п. 7 Положения о порядке и условиях финансирования процедур банкротства отсутствующих должников, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 21 октября 2004 г. N 573 (далее - положение N 573), конкурсный управляющий перечислил себе денежную сумму в качестве вознаграждения за проведение процедуры банкротства.

Считая указанные действия незаконными, уполномоченный орган обратился в арбитражный суд с жалобой на действия конкурсного управляющего, требуя обязать последнего также возместить убытки.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, требование удовлетворено. Суды исходили из того, что согласно буквальному толкованию п. 7 положения N 573 выплата конкурсному управляющему отсутствующим должником вознаграждения в размере 10% от стоимости имущества должника допускается только в случае реализации данного имущества.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении заявленных требований по следующим основаниям.

В ряде случаев интересы кредиторов и должника предполагают необходимость отказа от реализации имущества.

Общие положения Закона о банкротстве о продаже имущества на торгах должны применяться с учетом особенностей такого объекта прав как имущественное требование и цели процедуры конкурсного производства, заключающейся в максимальном наполнении конкурсной массы и соразмерном удовлетворении за ее счет требований кредиторов.

Действуя разумно и добросовестно в интересах должника и кредиторов, конкурсный управляющий должен определить стратегию наиболее эффективного обмена на денежный эквивалент поступившего в конкурсную массу требования к контрагентам должника, решив вопрос о целесообразности реализации этого требования на торгах либо прямого истребования дебиторской задолженности (оценив ликвидность требования, размер его дисконтирования при реализации, расходы на подготовку торгов и их проведение, вероятность получения долга напрямую от контрагента, временные и финансовые затраты на такое получение и т.п.)

В рассматриваемом случае конкурсный управляющий в результате подробного анализа движения денежных средств на расчетном счете должника и систематизации его контрагентов за 2012 - 2014 годы (по существу не располагая первичными документами) выявил дебиторскую задолженность завода, после чего приступил к осуществлению претензионной работы, итогом которой стало добровольное погашение контрагентом своего долга перед должником.

Такое поведение конкурсного управляющего является добросовестным и разумным, у него отсутствовала обязанность выставить спорную дебиторскую задолженность на торги.

Вместе с тем соблюдение интересов конкурсной массы, выразившееся в отказе от реализации имущества с целью получения наибольшего имущественного эффекта, не должно приводить к лишению конкурсного управляющего права на получение процентов по вознаграждению. Обратный подход к толкованию п. 7 положения N 573 мог бы спровоцировать злоупотребления со стороны конкурсных управляющих отсутствующими должниками, стимулируя их к реализации дебиторской задолженности в условиях, когда такая продажа для должника экономически нецелесообразна.

Определение N 301-ЭС17-834

17. В случае превышения конкурсным управляющим разумного периода реализации заложенного имущества образовавшаяся в этот период сумма необоснованно понесенных эксплуатационных платежей, в том числе напрямую не связанных с обеспечением сохранности имущества должника, также подлежит вычету из пяти процентов, направляемых на погашение текущих расходов. Проценты по вознаграждению конкурсного управляющего выплачиваются из оставшейся суммы.

В рамках дела о банкротстве должника конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением об утверждении суммы процентов по вознаграждению конкурсного управляющего.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены частично, сумма вознаграждения исчислена без учета сумм удовлетворения требований залоговых кредиторов в результате оставления имущества за собой.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Для правильного исчисления размера процентов по вознаграждению конкурсного управляющего при реализации предмета залога необходимо установить, в какой пропорции размер вырученных от реализационных процедур по каждому предмету залога средств погашает требование каждого отдельного залогового кредитора. В зависимости от этой пропорции определяется процентная ставка в соответствии с п. 13 ст. 20.6 Закона о банкротстве, которая умножается на размер удовлетворенных требований залогового кредитора от реализации

предмета залога.

При этом в случае реализации имущества по правилам п. 4.1 ст. 138 Закона о банкротстве, то есть путем оставления такого имущества за собой, под выручкой понимается цена, по которой залоговый кредитор принимает имущество, что ошибочно не было учтено судами при рассмотрении настоящего обособленного спора.

Исходя из указанной суммы, за вычетом пяти процентов текущих платежей и пятнадцати процентов платежей, погашающих требования кредиторов первой и второй очередей (при наличии таковых), отдельно исчисляется размер удовлетворенных требований каждого залогового кредитора, который в любом случае не может составлять менее 80% от суммы реализационной выручки (п. 2 ст. 138 Закона о банкротстве). При реализации имущества, обеспечивающего исполнение обязательств не по кредитному договору, размер вычитаемых процентов определяется по правилам п. 1 ст. 138. Пять процентов, перечисленных кредитором на специальный счет должника, подлежат направлению на погашение текущих расходов, в число которых по смыслу абзаца пятого п. 13.1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2013 г. N 97 "О некоторых вопросах, связанных с вознаграждением арбитражного управляющего при банкротстве" (далее - постановление N 97) входят, в частности, как расходы, связанные с сохранностью заложенного имущества, его реализацией (для процедур, введенных до вступления в силу Федерального закона от 29 декабря 2014 г. N 482-ФЗ, которым ст. 138 Закона о банкротстве дополнена п. 6), так и вознаграждение арбитражного управляющего.

Следует также отметить, что, действуя добросовестно и разумно, конкурсный управляющий обязан приступать к выплате собственного вознаграждения в виде процентов только после погашения иных видов текущих платежей (абзац пятый п. 13.1 постановления N 97).

Поскольку конкурсное производство является ликвидационной процедурой, эффективный арбитражный управляющий в целях недопущения наращивания текущей кредиторской задолженности обязан с соблюдением всех необходимых процедур (поиск, инвентаризация, оценка имущества и т.д.) в разумный срок произвести отчуждение принадлежащих должнику объектов для проведения расчетов с кредиторами.

Изложенный подход подлежит применению и к имуществу, составляющему предмет залога. В противном случае (при затягивании конкурсным управляющим реализационных процедур) происходит неоправданное увеличение текущих, в том числе эксплуатационных расходов, которые, будучи погашаемыми за счет основной части конкурсной массы, фактически перекладываются на незалоговых кредиторов, как правило, не получающих удовлетворения своих требований от реализации заложенного имущества (при превышении размера обеспечиваемого требования над размером вырученных от реализации денежных средств), что не согласуется с целями законодательного регулирования отношений несостоятельности.

Следовательно, в случае превышения конкурсным управляющим разумного периода реализации заложенного имущества, образовавшаяся в этот период сумма необоснованно понесенных эксплуатационных платежей, в том числе напрямую не связанных с обеспечением сохранности имущества должника, также подлежит вычету из пяти процентов, направляемых на погашение текущих расходов. Проценты по вознаграждению конкурсного управляющего выплачиваются из оставшейся суммы.

Определение N 306-ЭС17-782

Практика применения земельного законодательства

18. Судебные акты о признании незаконным отказа уполномоченного органа в предоставлении в собственность земельного участка собственнику недвижимого объекта, расположенного на этом участке, отменены, поскольку содержащиеся в них выводы не соответствуют нормам Градостроительного кодекса Российской Федерации о первичности генерального плана перед правилами землепользования и застройки.

Общество является собственником объекта недвижимости - станции технического обслуживания автомобилей, расположенной на земельном участке, предоставленном обществу в аренду до 2063 года на основании договора с уполномоченным органом муниципального образования (далее - администрация).

Ссылаясь на положения подп. 6 п. 2 ст. 39.3 и п. 2 ст. 39.20 ЗК РФ, общество обратилось в администрацию с заявлением о предоставлении в собственность земельного участка под принадлежащим ему объектом недвижимости.

Администрация сообщила заявителю, что испрашиваемый земельный участок не подлежит предоставлению в частную собственность в силу п. 12 ст. 85 ЗК РФ, поскольку в соответствии с генеральным планом муниципального образования, он относится к зоне зеленых насаждений общего пользования.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании отказа администрации незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление общества удовлетворено. Суды исходили из того, что на земельном участке находится объект недвижимости, принадлежащий обществу, фактическое использование земельного участка соответствует виду его разрешенного использования и перечню разрешенных видов использования, предусмотренных Правилами землепользования и застройки муниципального образования, и пришли к выводу об отсутствии основания для отказа в предоставлении в собственность земельного участка на основании ст. 85 ЗК РФ. Суды также приняли во внимание, что решением законодательного органа муниципального образования были внесены изменения в Правила землепользования и застройки, в соответствии с которыми спорный участок расположен в территориальной зоне "коммунально-складская зона", одним из видов разрешенного использования которой является размещение мастерских, предназначенных для ремонта и обслуживания автомобилей. Изменения в правила были внесены после принятия генерального плана.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 18, 23 ГрК РФ генеральные планы включают в себя карты планируемого размещения объектов с указанием или описанием зон размещения названных объектов.

Частью 3 ст. 9, чч. 9, 10 ст. 31, п. 1 ч. 2 ст. 33, п. 2 ч. 1 ст. 34, ч. 15 ст. 35 ГрК РФ установлен принцип первичности генерального плана перед правилами землепользования и застройки как основополагающего документа территориального планирования, определяющего стратегию градостроительного развития территорий и содержащего долгосрочные ориентиры их развития. Несоответствие правил землепользования и застройки муниципального образования генеральному плану является основанием для рассмотрения вопроса о приведении их в соответствие с указанным документом территориального планирования.

Генеральный план, определяя назначение территорий исходя из планов развития территории города в целом, может не соответствовать ее фактическому использованию, допуская потенциальное изменение назначения территории, поскольку генеральные планы определяют стратегию его развития и условия формирования среды жизнедеятельности.

Исходя из изложенного, выводы судов о недоказанности отнесения спорного земельного участка к территории общего пользования со ссылкой как на правила землепользования и застройки, так и на его фактическое неиспользование по указанному назначению нельзя признать обоснованными, соответствующими приведенным выше нормам права.

Вместе с тем, исходя из содержания понятия территории общего пользования, данного в п. 12 ст. 1 ГрК РФ, и учитывая, что установленный запрет на приватизацию земель общего пользования направлен на обеспечение публичных интересов, свободного доступа граждан к местам общего пользования и природным объектам, предназначенным для удовлетворения общественных интересов населения, границы такой территории (как существующие, так и планируемые) должны быть установлены в соответствии с требованиями градостроительного законодательства. Установление границ территорий общего пользования в соответствии с ч. 1 ст. 42 ГрК РФ осуществляется при подготовке проектов планировки территории, основная часть которого включает в себя чертеж или чертежи планировки территории, на которых отображаются в том числе красные линии (ч. 3). Согласно ч. 6 ст. 43 ГрК РФ на чертежах межевания территории отображаются также красные линии, утвержденные в составе проекта планировки территории, или красные линии, утверждаемые, изменяемые проектом межевания территории в соответствии с п. 2 ч. 2 этой статьи.

Однако наличие красных линий с целью установления границ территории общего пользования, планируемой под размещение сквера (бульвара, парка) в соответствии с генеральным планом в границах спорного земельного участка, а также наличие утвержденной документации по планировке территории (проект планировки, проект межевания) суды не проверяли.

Судам следовало также проверить, отвечает ли земельный участок, испрашиваемый обществом в целях выкупа, требованиям к земельному участку, необходимому для эксплуатации объекта недвижимости, принадлежащего обществу, в том числе в отношении площади такого участка (ст. 39.20 ЗК РФ). В том случае, если будет установлено, что испрашиваемый участок всем требованиям не отвечает, необходимо установить, возможно ли образование земельного участка в иных границах и иной площади с соблюдением требований к образуемому или измененным земельным участкам, установленных градостроительным и земельным законодательством, в отношении которого обществом может быть реализовано его право на приобретение земельного участка в собственность.

Определение N 307-КГ16-18929

19. Отказ уполномоченного органа в предоставлении в собственность земельного участка собственнику недвижимого объекта, расположенного на этом участке, признан судом правомерным, поскольку спорный земельный участок входит в границы планируемого размещения объектов транспорта, а также автомобильных

дорог федерального, регионального, межмуниципального или местного значения.

Общество обратилось в уполномоченный орган муниципального образования (далее - администрация) с заявлением о предоставлении в собственность за плату земельного участка, на котором расположены объекты недвижимости общества и который предоставлен обществу в аренду.

Администрация отказала обществу в предоставлении земельного участка в собственность, сославшись на то, что в соответствии с генеральным планом муниципального образования на участке расположен объект местного значения (дорога). Красные линии, пересекающие участок и обозначающие дорогу общегородского значения, утверждены постановлением главы муниципального образования в 2009 году (далее - постановление о планировке).

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании отказа администрации незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, заявление общества удовлетворено. Суд исходил из того, что установление красных линий по границам уже сформированных для эксплуатации объектов недвижимости земельных участков нормами земельного и градостроительного законодательства не предусмотрено, поэтому в силу ст. 12 и 13 ГК РФ является невозможным применение постановления о планировке; из представленных администрацией в материалы дела документов территориального планирования не усматривается, что на испрашиваемом земельном участке планируется размещение объекта местного значения - дороги, поскольку предъявленный в судебном заседании генеральный план муниципального образования, в том числе его графическая часть (схемы и чертежи), напечатан в черно-белом варианте, в то время как схема транспортной инфраструктуры предполагает условное цветное обозначение различных зон, а условные обозначения (пояснительный текст на схеме) напечатаны нечитаемым мелким шрифтом, что не позволяет идентифицировать и соотнести место расположения испрашиваемого земельного участка и планируемой дороги.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Подпунктом 3 п. 5 ст. 39.17 ЗК РФ предусмотрено, что уполномоченный орган принимает решение об отказе в предоставлении земельного участка при наличии хотя бы одного из оснований, перечисленных в ст. 39.16 ЗК РФ.

В данной статье в числе прочих приведены следующие основания для отказа в предоставлении публичного участка в собственность физических и юридических лиц:

указанный в заявлении о предоставлении земельного участка земельный участок является изъятым из оборота или ограниченным в обороте и его предоставление не допускается на праве, указанном в заявлении о предоставлении земельного участка (п. 6);

указанный в заявлении о предоставлении земельного участка земельный участок в соответствии с утвержденными документами территориального планирования и (или) документацией по планировке территории предназначен для размещения объектов федерального значения, объектов регионального значения или объектов местного значения и с заявлением о предоставлении земельного участка обратилось лицо, не уполномоченное на строительство этих объектов (п. 17).

В соответствии с подп. 7 п. 5 ст. 27 ЗК РФ ограничиваются в обороте находящиеся в государственной или муниципальной собственности земельные участки, предназначенные для строительства, реконструкции и (или) эксплуатации объектов морского транспорта, внутреннего водного транспорта, воздушного транспорта, сооружений навигационного обеспечения воздушного движения и судоходства, объектов инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования, а также автомобильных дорог федерального значения, регионального значения, межмуниципального значения или местного значения.

Пунктом 12 ст. 85 ЗК РФ и п. 8 ст. 28 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. N 178-ФЗ "О приватизации государственного и муниципального имущества" установлен запрет приватизации земельных участков общего пользования, занятых площадями, улицами, проездами, автомобильными дорогами, набережными, скверами, бульварами, водными объектами, пляжами и другими объектами, которые могут включаться в состав различных территориальных зон.

В силу ч. 1 ст. 26 ГрК РФ реализация документов территориального планирования осуществляется путем подготовки и утверждения документации по планировке территории в соответствии с документами территориального планирования; создания объектов федерального значения, объектов регионального значения, объектов местного значения на основании документации по планировке территории.

Подготовка документации по планировке территории осуществляется в отношении застроенных или подлежащих застройке территорий в целях обеспечения устойчивого развития территорий, выделения

элементов планировочной структуры (кварталов, микрорайонов, иных элементов), установления границ земельных участков, на которых расположены объекты капитального строительства, границ земельных участков, предназначенных для строительства и размещения линейных объектов (ст. 41 ГрК РФ).

Статьей 42 ГрК РФ предусмотрено, что подготовка проектов планировки территории осуществляется для выделения элементов планировочной структуры, установления границ территорий общего пользования, границ зон планируемого размещения объектов капитального строительства, определения характеристик и очередности планируемого развития территории. Согласно ч. 3 названной статьи основная часть проекта планировки территории включает в себя чертеж или чертежи планировки территории, на которых отображаются красные линии; границы существующих и планируемых элементов планировочной структуры; границы зон планируемого размещения объектов капитального строительства. Проект планировки и проект красных линий, утвержденный отдельным документом в составе документации по планировке территорий, могут быть оспорены заинтересованными лицами в судебном порядке. Пунктом 2 ч. 6 ст. 43 ГрК РФ предусмотрено, что красные линии также отображаются и на чертежах проекта межевания территорий.

Генеральный план муниципального образования и постановление о планировке, принятые до приобретения обществом в собственность объектов недвижимости, расположенных на спорном земельном участке, в установленном порядке не оспорены и не признаны недействующими. Тот факт, что спорный участок был сформирован до утверждения постановлением о планировке красных линий, обозначающих дорогу общегородского значения, не свидетельствует о незаконности оспариваемого отказа в предоставлении участка в собственность с учетом положений ст. 27 и 39.16 ЗК РФ. Поэтому оснований для того, чтобы не применять и не принимать во внимание данные документы, у судов не имелось.

При наличии указанных документов территориального планирования суды были не вправе признать незаконным оспариваемый отказ администрации со ссылкой на то, что представленные в судебное заседание оригиналы официального генерального плана муниципального образования, приложенные к нему схемы, напечатанные мелким шрифтом и в черно-белом варианте, не позволили суду идентифицировать и соотнести место расположения испрашиваемого земельного участка и планируемой дороги. По правилам чч. 2 и 5 ст. 66 и ст. 87.1 АПК РФ суд был вправе истребовать указанные документы от органов местного самоуправления в необходимом для выяснения обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения спора, виде, а также привлечь специалиста для получения соответствующих разъяснений.

Определение N 308-КГ17-2697

Споры, возникающие из обязательственных правоотношений

20. В случае, когда арбитражный суд приходит к выводу о наличии оснований для снижения платы за односторонний отказ от договора (ст. 10, п. 3 ст. 310 ГК РФ), он не может снизить плату до размера, который не устраняет для другой стороны последствия отказа от договора и не может компенсировать иные возможные потери.

Комбинат (арендодатель) и общество (арендатор) заключили договор аренды нежилых помещений сроком на 15 лет. Арендная плата включала в себя сумму трех составляющих: базовую арендную плату, переменную арендную плату и постоянную арендную плату. Ежемесячный размер постоянной арендной платы составляет 282 344 руб. 44 коп. и вносится за весь срок аренды авансовым платежом в размере 50 822 033 руб. 90 коп.

В соответствии с условиями договора арендатор имеет право отказаться от исполнения договора, направив арендодателю уведомление о таком расторжении не менее чем за три месяца. При этом постоянная арендная плата удерживается арендодателем в качестве штрафа.

По истечении четырех лет арендатор отказался от договора аренды.

Ссылаясь на отсутствие оснований для удержания арендодателем суммы постоянной арендной платы в размере 43 032 236 руб. 66 коп., арендатор обратился в арбитражный суд с иском к арендодателю о ее взыскании.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, исковые требования удовлетворены частично.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, в удовлетворении требования о взыскании сумм постоянной арендной платы отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016

г. N 54 "О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении" (далее - постановление Пленума N 54) при осуществлении стороной права на одностороннее изменение условий обязательства или односторонний отказ от его исполнения она должна действовать разумно и добросовестно, учитывая права и законные интересы другой стороны. Нарушение этой обязанности может повлечь отказ в судебной защите названного права полностью или частично, в том числе признание ничтожным одностороннего изменения условий обязательства или одностороннего отказа от его исполнения (п. 2 ст. 10, п. 2 ст. 168 ГК РФ).

Таким образом, установленный законом принцип добросовестности участников гражданского оборота должен быть ими соблюден и при прекращении договора в случае одностороннего отказа стороны от договора, в частности при урегулировании размера денежной суммы, подлежащей в связи с этим выплате в соответствии с п. 3 ст. 310 ГК РФ, нарушение которого сторонами влечет в случае обращения одной из них за судебной защитой необходимость разрешения этого вопроса судом в каждом конкретном споре.

Как указано в п. 16 постановления Пленума N 54, если будет доказано очевидное несоответствие размера этой денежной суммы неблагоприятным последствиям, вызванным отказом от исполнения обязательства или изменением его условий, а также заведомо недобросовестное осуществление права требовать ее уплаты в этом размере, то в таком исключительном случае суд вправе отказать в ее взыскании полностью или частично (п. 2 ст. 10 ГК РФ).

Суд апелляционной инстанции пришел к выводу о наличии оснований для снижения платы за односторонний отказ от договора исходя из следующих обстоятельств. Договор предполагал условие о предварительной оплате арендатором всей спорной суммы - большей части арендной платы, причитающейся арендодателю, за весь период действия договора. Получение арендодателем существенного имущественного предоставления при исполнении договора впоследствии также позволило при непродолжительном периоде пользования арендованным имуществом удержать значительную часть уплаченной истцом суммы.

Вместе с тем суд апелляционной инстанции, оставляя решение суда первой инстанции без изменения, по существу согласился с размером, установленным судом первой инстанции, но который при снижении заявленной истцом суммы руководствовался положениями ст. 333 ГК РФ, считая спорную сумму штрафом, и в результате чего взыскиваемая сумма была снижена более чем в пять раз.

Такой подход также не обеспечивает баланс интересов сторон договора, поскольку взысканная судом первой инстанции сумма фактически не устраняет для ответчика последствия отказа от договора, так как даже не восполняет утрату всех его доходов, которые он мог бы получить, предоставляя свое имущество другому лицу в период до заключения им договора аренды с новым арендатором, и более того, не может компенсировать иные потери, которые мог понести арендодатель в этом случае.

Определение N 309-ЭС17-1058

21. В случае, когда на арендуемом земельном участке, находящимся в публичной собственности, расположен незавершенный строительством объект недвижимости, возведенный на законных основаниях и принадлежащий арендатору, ст. 622 ГК РФ не может служить основанием для возложения на арендатора обязанности по освобождению этого земельного участка независимо от того, расторгнут или прекращен договор аренды.

В 2012 году уполномоченным органом муниципального образования (арендодатель; далее - администрация) и обществом (арендатор) заключен договор аренды земельного участка в целях использования для строительства детского сада. Срок действия договора установлен до 12 марта 2015 г.

На данном земельном участке обществом возведен объект до уровня первого этажа.

В апреле 2015 года администрация направила обществу уведомление об отказе от договора аренды и предложила обществу освободить и передать земельный участок администрации.

Отказ общества освободить земельный участок послужил основанием для обращения администрации в арбитражный суд с иском об освобождении обществом спорного участка на основании ст. 622 ГК РФ.

Решением суда первой инстанции иски были удовлетворены. Суд исходил из прекращения договора аренды с момента истечения срока его действия и отсутствия государственной регистрации обществом права собственности на объект незавершенного строительства с низкой степенью готовности.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении исковых требований отказано. Суд пришел к выводу, что возврат земельного участка на основании ст. 622 ГК РФ невозможен, поскольку на нем расположен объект незавершенного строительства, обладающий признаками капитального строения, возведенного на законных основаниях.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции отменено, решение суда первой инстанции оставлено в силе.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Пунктом 38 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. N 25 "О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" разъяснено, что по смыслу ст. 131 ГК РФ закон в целях обеспечения стабильности гражданского оборота устанавливает необходимость государственной регистрации права собственности и других вещных прав на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение. При этом по общему правилу государственная регистрация права на вещь не является обязательным условием для признания ее объектом недвижимости (п. 1 ст. 130 ГК РФ). При разрешении вопроса о признании правомерно строящегося объекта недвижимой вещью (объектом незавершенного строительства) необходимо установить, что на нем, по крайней мере, полностью завершены работы по сооружению фундамента или аналогичные им работы (п. 1 ст. 130 ГК РФ). Замощение земельного участка, не отвечающее признакам сооружения, является его частью и не может быть признано самостоятельной недвижимой вещью (п. 1 ст. 133 ГК РФ).

Обществом на законных основаниях в соответствии с договором аренды земельного участка и разрешением на строительство на спорном земельном участке возведен объект до уровня первого этажа, поэтому возведенный объект является недвижимой вещью (объектом незавершенного строительства) независимо от государственной регистрации прав на нее.

Следовательно, ст. 622 ГК РФ не может быть применена к рассматриваемым отношениям и служить основанием для возложения на общество обязанности по освобождению земельного участка независимо от того, расторгнут или прекращен договор аренды земельного участка.

Согласно подп. 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ одним из принципов земельного законодательства является принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, согласно которому все прочно связанные с земельными участками объекты следуют судьбе земельных участков, за исключением случаев, установленных федеральными законами. Эксплуатация и обслуживание объекта недвижимости возможны только на земельном участке, специально сформированном для этих целей.

В соответствии со ст. 271 ГК РФ собственник здания, сооружения или иной недвижимости, находящейся на земельном участке, принадлежащем другому лицу, имеет право пользоваться предоставленным таким лицом под эту недвижимость частью земельного участка.

Согласно правовой позиции, изложенной в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 января 2011 г. N 10661/10, принятие публичными органами распорядительных актов, разрешающих осуществление строительства, следует расценивать как согласие публичного образования, от имени которого они действуют, с размещением на принадлежащем ему земельном участке объекта недвижимого имущества, в то время как возвращение участка предполагает его освобождение от находящегося на нем недвижимого имущества, что нарушает права и законные интересы арендатора.

Схожая правовая позиция сформулирована в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2011 г. N 14381/10, согласно которой прекращение договора аренды, в том числе в связи с отказом от договора со стороны арендодателя, не лишает арендатора права пользования земельным участком, необходимым для эксплуатации принадлежащей ему недвижимости.

В соответствии с правовой позицией, изложенной в п. 24 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. N 73 "Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды", истечение срока действия договора аренды земельного участка не препятствует государственной регистрации права собственности на созданный в период действия договора аренды объект незавершенного строительства.

Таким образом, требования администрации об освобождении земельного участка от объекта недвижимости фактически направлены на необоснованное лишение общества права осуществить государственную регистрацию права собственности на объект незавершенного строительства в соответствии с п. 4 ст. 25 Федерального закона от 21 июля 1997 г. "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним".

Определение N 304-ЭС16-20773

22. Лицо, совершившее противоправные умышленные действия по двойной продаже одного объекта, обязано возместить причиненные этим убытки лицу, являвшемуся конечным покупателем этого объекта по одной из цепочек перепродаж, однако не приобретающему на него право собственности.

Обществу уполномоченным органом предоставлен земельный участок для строительства многоквартирного дома. Общество заключило договор подряда с компанией-1 (подрядчик), по условиям которого в качестве оплаты подрядчику передается в собственность 105 жилых помещений в многоквартирном доме. Компания-1 заключила инвестиционный контракт с фирмой (инвестор), в соответствии с которым передало инвестору ряд жилых помещений в этом многоквартирном доме. Фирма передала в собственность физическому лицу-1 одну из квартир.

В отношении той же квартиры, что была передана фирмой в собственность физическому лицу-1, общество заключило договор купли-продажи будущей недвижимой вещи с компанией-2. По цепочке сделок данную квартиру приобрело физическое лицо-2, которое купило ее у физического лица-3.

Решением суда признана недействительной цепочка сделок, направленных на приобретение квартиры физическим лицом-2, признано право собственности физического лица-1 на спорную квартиру, право собственности физического лица-2 на спорный объект прекращено.

Решением суда по другому делу в связи с признанием недействительным договора купли-продажи с физического лица-3 в пользу физического лица-2 взыскано 5 400 000 руб. В рамках исполнительного производства решение исполнено частично (182 181,33 руб.), исполнительное производство окончено.

Ссылаясь на положения ст. 1064 ГК РФ, физическое лицо-2 (далее также - заявитель) обратилось в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов общества его требования о взыскании убытков в размере 10 296 818,67 руб. По мнению заявителя, указанная денежная сумма составляет расходы на приобретение квартиры, аналогичной утраченной в результате противоправных действий общества по отчуждению одного объекта дважды разным лицам.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано. Суды исходили из того, что заявитель реализовал свое право на судебную защиту путем обращения с иском к продавцу по сделке купли-продажи, оснований считать продавца и общество солидарными должниками на основании ст. 1080 ГК РФ не имеется, поскольку общество и физическое лицо-3 не действовали совместно, между действиями общества и убытками заявителя отсутствует прямая причинно-следственная связь.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Именно действия общества послужили причиной (источником) возникновения ситуации, в результате которой заявитель понес имущественные потери. Согласованность же действий участников цепочки перепродаж могла иметь значение лишь для целей привлечения этих лиц к солидарной ответственности вместе с должником (ст. 1080 ГК РФ).

Наступление деликтной ответственности лица, совершившего противоправное действие (бездействие), в частности двойное отчуждение объекта недвижимости, не может зависеть от случайного факта (дальнейшей цепочки перепродаж).

Предъявление иска к продавцу и присуждение к взысканию с последнего в пользу заявителя уплаченных по признанному недействительным договору купли-продажи денежных средств само по себе не препятствует привлечению должника к гражданско-правовой ответственности в виде возмещения вреда при доказанности факта правонарушения и невозмещении потерь контрагентом по сделке. Обратное ведет к неправомерному отказу в судебной защите и восстановлении нарушенных прав.

Определение N 303-ЭС16-19319

Практика применения законодательства о налогах и сборах

23. Налогоплательщик несет ответственность за неисполнение обязанности по сообщению налоговому органу сведений о созданных обособленных подразделениях в соответствии со ст. 126 НК РФ, а не п. 2 ст. 116 НК РФ.

В ходе проведения проверки налоговым органом установлено, что общество не осуществило постановку на налоговый учет по месту нахождения двух обособленных подразделений, через которые осуществлялась хозяйственная деятельность в проверяемый налоговый период.

Данное обстоятельство послужило основанием для привлечения налогоплательщика к ответственности по п. 2 ст. 116 НК РФ в виде штрафа.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа о привлечении к ответственности незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленного обществом требования отказано. Суды исходили из того, что налогоплательщиком на территории иных муниципальных образований созданы стационарные рабочие места на срок более одного месяца, где осуществлялась предпринимательская деятельность без постановки на налоговый учет, в связи с чем пришли к выводу о наличии в действиях налогоплательщика состава налогового правонарушения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила заявление общества по следующим основаниям.

Непредставление в установленный срок налогоплательщиком (плательщиком сбора, плательщиком страховых взносов, налоговым агентом) в налоговые органы документов и (или) иных сведений, предусмотренных НК РФ и иными актами законодательства о налогах и сборах, если такое деяние не содержит признаков налоговых правонарушений, предусмотренных ст. 119, 129.4 и 129.6 НК РФ, а также пп. 1.1 и 1.2 ст. 126 НК РФ, влечет ответственность, предусмотренную п. 1 ст. 126 НК РФ.

Из п. 2 ст. 116 НК РФ следует, что данной нормой установлена ответственность за ведение деятельности организацией или индивидуальным предпринимателем без постановки на учет в налоговом органе как одного из видов нарушений порядка постановки на указанный учет.

Порядок постановки на учет и снятия с учета организаций и физических лиц установлен ст. 84 - 85 НК РФ, в которых содержится упоминание о том, что в целях проведения налогового контроля организации ставятся на учет не только по месту своего нахождения, но и по месту нахождения обособленных подразделений.

Однако взаимосвязанные положения подп. 2 п. 1 и подп. 3 п. 2 ст. 23 НК РФ позволяют сделать вывод о том, что законодатель различает обязанность налогоплательщика встать на учет в налоговых органах и обязанность сообщить в налоговый орган обо всех обособленных подразделениях российской организации, созданных на территории Российской Федерации.

Непредставление же налоговому органу сведений, необходимых для осуществления налогового контроля, образует событие правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ст. 126 НК РФ.

Следовательно, в том случае, когда допущенное организацией нарушение порядка постановки на налоговый учет выражается в неисполнении обязанности по сообщению налоговому органу сведений о созданных на территории Российской Федерации обособленных подразделениях, такие действия подлежат квалификации по ст. 126 НК РФ.

Пункт 2 ст. 116 НК РФ предусматривает в качестве санкции за ведение деятельности без постановки на учет в налоговом органе взыскание штрафа в размере 10 процентов от доходов, полученных в течение указанного времени в результате такой деятельности, но не менее 40 000 руб.

Сам факт установления законодателем приведенной санкции позволяет сделать вывод о том, что предусмотренное в п. 2 ст. 116 НК РФ изъятие соответствующей части дохода организации или индивидуального предпринимателя сопряжено с отсутствием у налогового органа возможности идентифицировать налогоплательщика в рамках налогового контроля и, соответственно, определить, какие налоги и в каком размере должен уплатить налогоплательщик в связи с ведением сокрытой от налогообложения деятельности.

В том случае, когда у налогового органа имеется возможность определить размер налоговой обязанности организации или индивидуального предпринимателя, соответствующее лицо подлежит привлечению к ответственности, предусмотренной ст. 122 НК РФ за неуплату (неполную уплату) налогов.

В рамках налоговой проверки инспекция установила величину доходов, полученных налогоплательщиком через обособленные подразделения, при этом обществом не было допущено неполной уплаты налогов от деятельности, осуществляемой через названные обособленные подразделения.

При таких обстоятельствах у налогового органа отсутствовали законные основания для привлечения общества к ответственности, предусмотренной п. 2 ст. 116 НК РФ, и применения к налогоплательщику санкции в виде изъятия части дохода, с которого обществом уплачены налоги.

Определение N 303-КГ17-2377

Практика применения законодательства о защите конкуренции и о контрактной системе в сфере закупок товаров для государственных и муниципальных нужд

24. При отсутствии утвержденного в соответствии с законодательством перечня лекарственных средств, закупка которых осуществляется согласно их торговым наименованиям, государственный и муниципальный заказчики вправе приобретать медицинские препараты по торговому наименованию при условии представления

обоснования необходимости такой закупки с учетом объективной потребности в соответствующих препаратах.

Уполномоченный орган (далее - заказчик) опубликовал извещение о проведении электронного аукциона и сопутствующую аукционную документацию на право заключения контракта на поставку лекарственного препарата "Инсулин растворимый (человеческий генно-инженерный)", торговое наименование Инсуман Рапид ГТ, раствор для инъекций, 100 МЕ/мл 3 мл N 5.

Антимонопольный орган принял решение, в соответствии с которым в действиях заказчика установлены нарушения п. 6 ч. 1 ст. 33, п. 1 ч. 1 ст. 64 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. N 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" (далее - Закон о контрактной системе), поскольку описание объекта закупки с использованием торгового наименования лекарственного препарата конкретного производителя ограничивает количество участников закупки.

Заказчик обратился в арбитражный суд с заявлением о признании решения антимонопольного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменено, в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Закупка лекарственных средств в соответствии с их торговыми наименованиями возможна в случае осуществления данной закупки в соответствии с пунктом 7 части 2 статьи 83 Закона о контрактной системе (осуществление закупки лекарственных препаратов, которые необходимы для назначения пациенту при наличии медицинских показаний), а также в случае закупки лекарственных средств, входящих в перечень лекарственных средств, закупка которых осуществляется в соответствии с их торговыми наименованиями.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2013 г. N 1086 утверждены Правила формирования перечня лекарственных средств, закупка которых осуществляется в соответствии с их торговыми наименованиями (далее - Правила). Однако данный перечень лекарственных средств до настоящего времени Правительством Российской Федерации не утвержден.

Вместе с тем согласно п. 2 Правил основанием для включения лекарственного средства в перечень является невозможность замены лекарственного средства в рамках одного международного непатентованного наименования лекарственного средства или при отсутствии такого наименования химического, группировочного наименования, определяемая с учетом показателей эффективности и безопасности лекарственных препаратов. Основанием для исключения лекарственного средства из перечня является возможность такой замены.

Из документации об аукционе следует, что установление заказчиком в описании объекта проводимой закупки требования к торговому наименованию обусловлено необходимостью обеспечения названным препаратом пациентов, а его замена невозможна.

Не обладая специальными познаниями в рассматриваемой области медицины, антимонопольный орган в обоснование правомерности его вывода о нарушении заказчиком требований действующего законодательства обязан представить надлежащие доказательства (ст. 67, 68 АПК РФ), опровергающие доводы заказчика о несовместимости и не взаимозаменяемости препаратов, содержащих инсулин. Такие доказательства антимонопольным органом суду представлены не были.

Таким образом, формирование документации на закупку препаратов инсулина осуществлялось заказчиком в целях достижения максимального результата лечения заболеваний, с соблюдением принципов, закрепленных ст. 41 Конституции Российской Федерации и ст. 4 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ "Об основах здоровья граждан в Российской Федерации", предусматривающих обеспечение прав граждан в сфере охраны здоровья, приоритет интересов пациента, доступность и качество при оказании медицинской помощи.

Отсутствие утвержденного в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 33 Закона о контрактной системе Перечня лекарственных средств не исключает возможности приобретения заказчиком медицинских препаратов по торговому наименованию, при условии представления обоснования необходимости такой закупки с учетом объективной потребности в соответствующих препаратах, и не может служить непреодолимым препятствием для разрешения спорных вопросов, если от этого зависит реализация вытекающих из Конституции Российской Федерации прав и законных интересов граждан (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. N 3-П).

25. В силу чч. 9, 10 ст. 17.1 Закона о защите конкуренции преимущественное право на заключение договора аренды государственного и муниципального имущества на новый срок предоставлено арендатору только в том случае, если предшествующий договор аренды был заключен в порядке, предусмотренном чч. 1 и 3 указанной статьи, то есть по результатам проведения конкурса или аукциона.

Обществом и уполномоченным органом субъекта Российской Федерации (далее - департамент) в 2004 году заключен договор аренды нежилого помещения, находящегося в собственности субъекта Российской Федерации, сроком на 5 лет. В 2009 году дополнительным соглашением срок договора продлен до 1 июля 2015 г.

В 2014 году за государственным унитарным предприятием зарегистрировано право хозяйственного ведения на указанное помещение. Письмом от 31 марта 2015 г. предприятие уведомило общество о расторжении договора аренды.

Решением антимонопольного органа предприятие признано виновным в нарушении ч. 9 ст. 17.1 Федерального закона от 26 июля 2006 г. N 135-ФЗ "О защите конкуренции" (далее - Закон о защите конкуренции) ввиду отказа в реализации права арендатора на заключение договора аренды помещения на новый срок, предприятию предписано заключить с обществом договор аренды на новый срок.

Предприятие обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения и предписания антимонопольного органа недействительными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано. Суды исходили из того, что по истечении срока действия договора аренды государственного или муниципального имущества, принадлежащего на праве хозяйственного ведения государственному унитарному предприятию, арендодатель не вправе отказать арендатору, надлежащим образом исполнявшему свои обязанности, в заключении договора аренды на новый срок (если иное не установлено договором и срок действия договора не ограничен законодательством Российской Федерации) без проведения конкурса, аукциона (при одновременном соблюдении условий о сроке и порядке определения размера арендной платы, предусмотренных ч. 9 статьи 17.1 Закона о защите конкуренции), за исключением случаев, прямо предусмотренных в ч. 10 указанной статьи.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила заявление предприятия, признав решение и предписание антимонопольного органа недействительными, по следующим основаниям.

В силу чч. 9, 10 ст. 17.1 Закона о защите конкуренции преимущественное право на заключение договора аренды государственного и муниципального имущества на новый срок предоставлено арендатору только в том случае, если предшествующий договор аренды был заключен в порядке, предусмотренном чч. 1 и 3 ст. 17.1 Закона о защите конкуренции, то есть по результатам проведения конкурса или аукциона.

При заключении договора на новый срок, в том числе при продлении срока действия договора путем подписания дополнительного соглашения, у сторон возникают новые правоотношения, которые в соответствии с п. 1 ст. 422 ГК РФ должны соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующим на момент их возникновения.

Таковыми правилами, наряду со ст. 17.1 Закона о защите конкуренции, являлись положения ч. 4 ст. 53 Закона о защите конкуренции (в редакции Федерального закона, действовавшего до 1 июля 2013 г.), в соответствии с которыми до 1 июля 2015 г. разрешалось заключение на новый срок без проведения конкурсов или аукционов договоров аренды, указанных в чч. 1 и 3 ст. 17.1 Закона о защите конкуренции и заключенных до 1 июля 2008 г. с субъектами малого или среднего предпринимательства при условии отсутствия на момент заключения такого договора аренды на новый срок оснований для его досрочного расторжения, предусмотренных гражданским законодательством. При этом заключение предусмотренных данной нормой договоров аренды возможно на срок не более чем до 1 июля 2015 г. Таким образом, на всех остальных арендаторов данная преференция не распространялась и заключение на новый срок договоров аренды, заключенных до 1 июля 2008 г. вне процедуры торгов, было возможно только по правилам чч. 1 и 3 ст. 17.1 Закона о защите конкуренции.

В соответствии с Федеральным законом от 2 июля 2013 г. N 144-ФЗ ч. 4 ст. 53 Закона о защите конкуренции утратила силу с 1 июля 2013 г. В настоящий момент заключение договоров на новый срок (которые были заключены до 1 июля 2015 г.), предусматривающих переход прав владения и (или) пользования в отношении государственного или муниципального имущества по правилам, предусмотренным чч. 9 - 11 ст. 17.1 Закона о защите конкуренции, допускается только в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства, расположенных на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя (ч. 4.1 ст. 53 Закона о защите конкуренции).

Таким образом, законодатель установил условия перезаключения на новый срок договоров аренды

государственного и муниципального имущества, ограничив возможность заключения названных договоров без проведения публичных процедур только для определенной категории субъектов предпринимательской деятельности.

Судами установлено и подтверждается материалами дела, что договор аренды в 2004 году был заключен обществом без соблюдения публичных процедур до вступления в силу ст. 17.1 Закона о защите конкуренции. Являясь субъектом малого предпринимательства, общество реализовало свое право на перезаключение договора аренды помещения на новый срок до 1 июля 2015 г. без торгов, тем самым реализовав преимущества, установленные ст. 53 Закона о защите конкуренции. Между тем оснований для неоднократного перезаключения арендаторами договоров аренды государственного и муниципального имущества, минуя конкурентные процедуры, предусмотренные ч. 1 ст. 17.1 Закона о конкуренции, действующим законодательством не предусмотрено. На основании вышеизложенного действия предприятия по отказу в реализации права общества (арендатора) на заключение договора аренды помещения на новый срок являются законными и обоснованными.

Определение N 305-КГ17-2739

Практика применения таможенного законодательства

26. Законодательством о правонарушениях в сфере таможенных отношений не предусмотрена ответственность за ввоз товара в меньшем объеме и количестве, чем задекларировано, если такое деяние не привело к неуплате таможенных платежей, нарушению запретов и ограничений и иному ущербу.

Решением таможенного органа обществу отказано в выпуске товара для внутреннего потребления, поскольку таможенная декларация содержала недостоверные сведения о количественных характеристиках товара (вес брутто, вес нетто и рабочая площадь). Сведения в декларации указаны в большем значении, чем установлено при таможенном досмотре, то есть товар ввозится фактически в меньшем объеме и весе, чем указано в декларации.

При этом таможенные платежи уплачены обществом в отношении заявленного, а не фактически ввезенного товара, то есть в большем размере.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным решения таможенного органа.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила заявление общества по следующим основаниям.

Отказ в выпуске товаров в связи с их ввозом в меньшем объеме (весе), чем указано в декларации, по существу приобретает характер санкции, применяемой к субъекту внешнеэкономической деятельности и состоящей в ограничении права такого субъекта на использование ввозимых товаров в гражданском обороте.

Между тем выявленное расхождение в весе и объеме товара в сторону их уменьшения при ввозе на таможенную территорию Таможенного союза, исходя из фактических обстоятельств настоящего дела (при отсутствии нарушений запретов и ограничений), не свидетельствует о наличии в действиях заявителя состава правонарушения в понимании п. 2 ст. 201 ТК ТС.

Любое привлечение к ответственности за нарушение норм таможенного законодательства, по смыслу ст. 54 (ч. 2) Конституции Российской Федерации, предполагает, что ее основанием может быть лишь обладающее опасностью для личности, общества или государства деяние, содержащее все признаки состава правонарушения, предусмотренные законом.

Также необходимо учитывать критерии необходимости, пропорциональности и соразмерности ограничения прав и свобод участников экономического оборота конституционно значимым целям (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. N 2-П).

Согласно действующим нормам таможенного законодательства, законодательства об административных правонарушениях и судебной практике их применения, а также практике применения их самими таможенными органами недостоверное декларирование в части заявления недостоверных сведений о весе, объеме товара признается элементом состава правонарушения только при заявлении сведений в меньшем размере, объеме, количестве, поскольку такое деяние направленно на ввоз товара, не оплаченного таможенными пошлинами и налогами, либо состоит в ввозе товара в нарушение квотирования или иных запретов или ограничений (гл. 16 КоАП РФ). Во всех этих случаях в качестве необходимого элемента объективной стороны состава правонарушения выступает вред общественным отношениям, то есть причинение ущерба публичному порядку.

Ввоз товара в меньшем объеме, чем задекларировано, при условии оплаты таможенных пошлин и налогов, соблюдения всех условий и ограничений, иных требований таможенного режима в отношении ввезенного товара, не называется законодателем в качестве признака объективной стороны такого правонарушения, как недостоверное декларирование. Кроме того, в данном случае отсутствует какой-либо вред общественным отношениям, поскольку такая ошибка в декларировании не влияет на исчисление таможенных платежей в отношении фактически ввезенного объема, количества товара, таможенные платежи в объеме, соответствующем ввезенному товару, уплачены.

Определение N 308-КГ16-21316

**Практика применения положений Кодекса Российской Федерации
об административных правонарушениях**

27. Лицо, оказывающее поставщику товаров (работ, услуг) иные услуги, помимо услуги по приему платежей от физических лиц и перечислению этих платежей поставщику, не является платежным агентом и не может быть привлечено к административной ответственности на основании ч. 2 ст. 15.1 КоАП РФ.

На основании заключенного с перевозчиком договора общество за вознаграждение осуществляло деятельность по продаже билетов с получением от физических лиц денежных средств и перечислением этих средств перевозчику.

Постановлением налогового органа общество привлечено к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 15.1 КоАП РФ, с назначением наказания в виде административного штрафа.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании постановления налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявления отказано. Суды признали общество платежным агентом в силу положений Федерального закона от 3 июня 2009 г. N 103-ФЗ "О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами" (далее - Закон N 103-ФЗ). Суды пришли к выводу о наличии в действиях общества состава административного правонарушения, поскольку общество в нарушение требований чч. 14, 15 ст. 4 Закона N 103-ФЗ осуществляет упомянутую деятельность без использования специального банковского счета.

Определением арбитражного суда округа прекращено производство по кассационной жалобе общества применительно к п. 1 ч. 1 ст. 150, ч. 2 ст. 282 АПК РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции и удовлетворила заявление общества по следующим основаниям.

Из положений Закона N 103-ФЗ следует, что деятельность платежного агента заключается только в приеме от физических лиц денежных средств, направленных на исполнение денежных обязательств этих лиц перед поставщиком по оплате товаров (работ, услуг), и последующем перечислении платежным агентом этих средств поставщику товаров (работ, услуг). При этом платежный агент не принимает участия в оказании услуг между плательщиком и поставщиком услуг и не оказывает иных самостоятельных услуг, кроме приема и передачи денежных средств. Согласно ст. 1 Закона N 103-ФЗ принятие платежей от физических лиц не во всех случаях порождает обязанность открыть специальный расчетный счет.

Таким образом, действие Закона N 103-ФЗ распространяется на отношения, связанные с оказанием платежным агентом единственной услуги - услуги по приему платежей от физических лиц и перечислению этих платежей поставщику товаров (работ, услуг).

В рамках заключенного с перевозчиком договора на агентские услуги по продаже билетов по междугородним маршрутам осуществляемая обществом деятельность, помимо продажи билетов на междугородние маршруты перевозчика, включает в себя оказание обществом услуг по информированию пассажиров по всем вопросам, касающимся междугородних перевозок (об отправлении/прибытии автотранспортного средства, наличии свободных мест, предварительной и иной продаже билетов и др.); осуществлению отметок в путевых листах автотранспорта, принадлежащего перевозчику; обеспечению стоянки автотранспорта перевозчика; предоставлению заявок на дополнительные туристические услуги, и др. При этом общество является организацией, осуществляющей самостоятельный вид деятельности - услуги автовокзала, обязательства предоставления которых возникают у общества перед физическими лицами, приобретшими билеты перевозчика.

Следовательно, общество не может быть признано платежным агентом, на которого распространяется действие Закона N 103-ФЗ, поскольку общество в рамках указанного договора оказывает перевозчику иные

услуги, помимо продажи билетов на междугородние маршруты перевозчика.

Определение N 302-АД16-16468

28. Действия органа по сертификации по выдаче сертификата соответствия продукции уполномоченному иностранным изготовителем лицу не являются нарушением законодательства о техническом регулировании и не образуют состав правонарушения, предусмотренный ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ.

В ходе внеплановой документарной проверки органа по сертификации (далее - организация) административный орган установил, что организация выдала обществу сертификат соответствия, подтверждающий соответствие продукции требованиям Технического регламента Таможенного союза ТР ТС 020/2011 "Электромагнитная совместимость технических средств", утвержденного Решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. N 879 (далее - ТР ТС 020/2011). Общество является представителем иностранного изготовителя продукции по обеспечению соответствия продукции требованиям технических регламентов на территории Таможенного союза на основании соглашения (далее - уполномоченное изготовителем лицо).

Согласно положениям п. 1 ст. 7 ТР ТС 020/2011 подтверждение соответствия продукции осуществляется по схемам в соответствии с Положением о порядке применения типовых схем оценки (подтверждения) соответствия в технических регламентах Таможенного союза, утвержденным Решением Комиссии Таможенного союза от 7 апреля 2011 г. N 621 (далее - Положение о порядке применения типовых схем оценки).

Процедура соответствия продукции проводилась по предусмотренной Положением о порядке применения типовых схем оценки схеме сертификации 1С, которая устанавливает, что в качестве заявителя на проведение сертификации продукции на соответствие требованиям технических регламентов может выступать изготовитель, в том числе иностранный, при наличии уполномоченного изготовителем лица на территории Таможенного союза.

Поскольку в нарушение схемы сертификации 1С заявителем, обратившимся в организацию за подтверждением соответствия продукции, являлось уполномоченное изготовителем лицо, а не сам изготовитель продукции, административный орган пришел к выводу о выдаче организацией сертификата соответствия продукции ненадлежащему лицу.

Указанные обстоятельства послужили основанием для составления административным органом в отношении организации протокола об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ, и обращения в арбитражный суд с заявлением о привлечении организации к административной ответственности.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, организация привлечена к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ, с назначением наказания в виде административного штрафа.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении заявления административного органа о привлечении организации к ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ, по следующим основаниям.

Заявителем на проведение работ по сертификации в рассматриваемом случае являлось уполномоченное на основании соглашения иностранным изготовителем лицо.

С 1 января 2015 г. вступил в силу Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.). Согласно п. 1 ст. 99 Договора о Евразийском экономическом союзе международные договоры государств-членов, заключенные в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства, действующие на дату вступления в силу настоящего Договора, входят в право Союза в качестве международных договоров в рамках Союза и применяются в части, не противоречащей настоящему Договору.

В соответствии с разделом X "Техническое регулирование" Договора о Евразийском экономическом союзе разработан Протокол о техническом регулировании в рамках Евразийского экономического союза (приложение N 9 к Договору о Евразийском экономическом союзе), который определяет порядок, правила и процедуры технического регулирования в рамках Союза (далее - Протокол о техническом регулировании).

Согласно п. 2 Протокола о техническом регулировании "уполномоченное изготовителем лицо" это зарегистрированные в установленном законодательством государства-члена порядке на его территории юридическое лицо или физическое лицо в качестве индивидуального предпринимателя, которые на основании договора с изготовителем, в том числе иностранным изготовителем, осуществляют действия от имени этого изготовителя при оценке соответствия и выпуске в обращение продукции на территории Союза, а также несут ответственность за несоответствие продукции требованиям технических регламентов Союза.

Пункт 5 Протокола о техническом регулировании устанавливает, что при оценке соответствия заявителем могут быть зарегистрированные на территории государства-члена в соответствии с его законодательством юридическое лицо или физическое лицо в качестве индивидуального предпринимателя, являющиеся изготовителем или продавцом либо уполномоченным изготовителем лицом.

Таким образом, указанные положения Договора о Евразийском экономическом союзе, изменяя с 1 января 2015 г. круг лиц, которые могут выступать в качестве заявителей при сертификации продукции, устанавливают, что при оценке соответствия требованиям технических регламентов продукции иностранного изготовителя заявителем на проведение работ по сертификации может быть только уполномоченное таким изготовителем лицо.

На момент составления административным органом протокола об административном правонарушении, а также на момент вынесения судом первой инстанции решения о привлечении к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ действия организации по выдаче сертификата соответствия продукции уполномоченному иностранным изготовителем лицу не являлись нарушением законодательства о техническом регулировании и, соответственно, не образовывали состав правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ.

Определение N 305-АД16-19542

Процессуальные вопросы

29. В случае направления стороной жалобы о пересмотре судебного акта в кассационном порядке в Верховном Суде Российской Федерации последним судебным актом для целей применения ст. 112 АПК РФ является определение об отказе в передаче дела на рассмотрение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации либо определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

Решением суда первой инстанции от 3 декабря 2014 г. обществу отказано в удовлетворении исковых требований о взыскании с компании неосновательного обогащения.

Постановлением суда апелляционной инстанции от 1 апреля 2015 г., оставленным в силе постановлением арбитражного суда округа от 6 июня 2015 г., названное решение суда отменено, иск удовлетворен частично.

Определением Верховного Суда Российской Федерации от 14 сентября 2015 г. отказано в передаче кассационной жалобы общества на названные судебные акты для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

Общество 2 марта 2016 г. обратилось в суд первой инстанции с заявлением о взыскании судебных расходов.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление общества оставлено без удовлетворения. Суды пришли к выводу о пропуске обществом шестимесячного срока на подачу этого заявления, исчисленного с 6 июня 2015 г., то есть с даты вынесения постановления арбитражного суда округа как последнего судебного акта, принятием которого закончилось рассмотрение дела по существу. Суды констатировали, что с учетом выходных и праздничных дней срок для подачи заявления о взыскании судебных расходов истек 11 января 2016 г. Ходатайство о восстановлении срока общество не заявляло.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Разъяснения о том, какой судебный акт считать последним, принятием которого закончилось рассмотрение дела по существу, для целей исчисления шестимесячного срока, установленного ст. 112 АПК РФ, содержатся в п. 30 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 г. N 12 "О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27 июля 2010 г. N 228-ФЗ "О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации". Из абзацев первого и четвертого этого пункта следует, что по общему правилу последним судебным актом является решение суда первой инстанции или постановление суда апелляционной инстанции, если соответствующий судебный акт не был предметом рассмотрения суда вышестоящей инстанции, либо постановление суда кассационной инстанции, принятое по результатам рассмотрения жалобы на такие судебные акты. Однако в случае направления стороной заявления о пересмотре судебного акта в порядке надзора последним судебным актом по ранее действовавшему процессуальному законодательству являлось определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации или постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.

Таким образом, лицу, требующему возмещения судебных расходов, процессуальным законом гарантировалось такое право по результатам последовательного рассмотрения дела в судебных инстанциях.

Оснований полагать, что эти гарантии снизились с изменением процессуального законодательства и включением в АПК РФ норм, предусматривающих возможность пересмотра судебных актов арбитражных судов Верховным Судом Российской Федерации в порядке кассационного производства, не имеется.

Напротив, из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. N 1 "О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела" следует, что высшая судебная инстанция указала на судебный акт кассационной инстанции как один из возможных актов, завершающих производство по делу (п. 1), и подтвердила право участвующего в деле лица обратиться в суд с заявлением по вопросу о судебных издержках, понесенных в связи с рассмотрением дела, о возмещении которых не было заявлено при его рассмотрении, после принятия итогового судебного акта по делу (п. 28).

В связи с тем, что определение Верховного Суда Российской Федерации об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании судебной коллегии вынесено 14 сентября 2015 г., а заявление о возмещении судебных расходов подано обществом 2 марта 2016 г., у судов не было оснований для вывода о пропуске шестимесячного срока на его подачу.

Определение N 305-ЭС15-11039